

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильин И.Ю. Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Юридические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.69721 EDN: DFVUUJ
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69721

Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности

Ильин Иван Юрьевич

аспирант, кафедра "Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность",
Российский университет транспорта (МИИТ)

127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9с9

✉ ilin.iu00@gmail.com

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.69721

EDN:

DFVUUJ

Дата направления статьи в редакцию:

31-01-2024

Аннотация: Предпринимательство во всеобщем сознании можно представить как наиболее древний и естественный для человечества институт общества. Законодательное регулирование настолько значимого социального института было лишь вопросом времени. Стремительно меняющиеся исторические условия коренным образом меняли и общество и государство; законодательство, как надстройка, претерпевало модернизацию соответственно изменяющимся реалиям, что приводило к образованию некоторых юридических рудиментов, перекочевывающих из более ранних норм права. В данной статье рассматриваются уголовно-правовые нормы российского права, устанавливающие ответственность за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности, основной или квалифицированный состав которых включает такой признак субъективной стороны, как «корыстная заинтересованность». В контексте настоящего исследования корыстная заинтересованность анализируется как один из главных криминообразующих факторов некоторых статей Уголовного кодекса, тогда как в других нормах права рассматриваемый признак лишь заочно подразумевается при квалификации совершенных противоправных деяний. Автором

применялись как теоретические, так и эмпирические методы познания при рассмотрении существующих уголовно-правовых норм, и их практического использования в современных реалиях. Актуальность вопроса защиты института предпринимательства в Российской Федерации, по нашему мнению, не вызывает сомнений, а недостаточный уровень исследованности темы определяет, некоторым образом, и новизну данной работы. По итогам произведенного анализа автор приходит к собственному выводу, что следует поставить под сомнение уместность присутствия вышеуказанного признака в уголовном законе в том виде, в котором он существует на данный момент. Автор приводит аргументы и доказательства оснований для сомнений в общепринятой точке зрения исходя из самой природы предпринимательской деятельности и ее корреляции с корыстью. На основании собранных данных, изложенных в настоящей статье, автором выявлены и вынесены на обсуждение вероятные недостатки действующего уголовного закона, выражающиеся в присутствии обозначенного признака субъективной стороны составов преступлений, закрепленных во многих статьях уголовного кодекса. Автор приглашает всех специалистов в области уголовного права принять участие в данной дискуссии.

Ключевые слова:

корысть, корыстная заинтересованность, корыстные преступления, корыстный мотив, корыстная цель, признак субъективной стороны, предпринимательство, предпринимательские преступления, разграничение преступлений, квалификация преступлений

Введение

Прошли многие тысячи лет с того момента, когда человечество научилось производить ресурсов больше, чем требуется для собственного пропитания и выживания. Полученные излишки пускались на совершенствование процессов добычи, в реализацию путем обмена или продажи и на постройку монументальных сооружений. Возникновение избыточного продукта естественным образом повлекло к формированию той прослойки общества, которая стала заниматься разными видами предпринимательства. Так или иначе, предпринимательство заняло важное место в жизни общества, что не могло быть обойдено вниманием государства.

В процессе осуществления разрешенной законом предпринимательской деятельности создаются рабочие места, производится прибавочный продукт, уплачиваются налоги и в итоге растет благосостояние всего населения. Исходя из этого, защита законной предпринимательской деятельности приобретает высокую значимость для государства. Поэтому государство начинает применять аппарат принуждения для защиты ценного для себя социально явления.

Д. А. Шестаков полагает, что: «экономическая преступность – это превращенная форма экономической (предпринимательской) деятельности, осуществляемой ее субъектами с целью достижения социально несправедливого обогащения за счет нарушения принципа эквивалентности обмена» [\[1, С. 227\]](#).

Преступления в сфере предпринимательской деятельности обладают в массе своей латентностью, характерной для ненасильственных преступлений. Данное обстоятельство становится фактором, привлекающим разного рода криминальные элементы, а отсутствие

насилия как обязательного признака составов данного рода преступлений квалифицируется как представляющие сравнительно меньшую общественную опасность в глазах общества, а следовательно, и влекущие меньшую тяжесть наказания.

Корысть предстаёт в Уголовном законе как такой специфический признак, не имеющий четкого определения законодателем, что и порождает не мало трудностей в процессе доказывания и правоприменения. С точки зрения обыденного сознания, корысть представляет из себя некую форму низменных побуждений, завладевающих человеком на жизненном пути. Не даром такое поведение отнесено к числу семи смертных грехов. Жадность, также известная как скупость, алчность, или корысть – это, как и похоть или обжорство, грех желания. Однако понятие жадность (с точки зрения Церкви) применяется к искусственному, хищническому желанию и погоне за материальными благами. В Чистилище Данте кающихся связывают и кладут на землю лицом вниз за чрезмерную сосредоточенность на земных мыслях. Накопление материалов или предметов, кража и грабёж, особенно с применением насилия, обмана или манипулирования властью, – все это действия, которые могут быть вызваны жадностью. Согласно определению, данному вне христианских писаний, жадность – это чрезмерное желание приобрести или обладать большим, чем потребно человеку, особенно в отношении материального богатства. Как и гордыня, жадность может привести не только к некоторым злым поступкам, но и ко всему злу.

В. И. Даль представляет корысть как «страсть к приобретению, жадность к деньгам и богатству, любостяжание, падкость на барыш, выгоду, пользу, наживу, добычу, захваченные богатства» [\[2, С. 784\]](#).

Однако, очевидно, что корысть является неотъемлемой частью предпринимательской деятельности, ведь сама суть предпринимательства это: «осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от владения имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг». Исходя из вышеуказанного определения, данного в статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), представляется невозможным осуществление предпринимательской деятельности без желания извлечь прибыль.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в обзоре надзорной практики за 2001 год от 01.10.2001, указывает: «Понятие "корыстные побуждения" подразумевает совершение лицом конкретных действий с целью получения материальной выгоды». Так, предположение о неразрывной связи корысти и предпринимательства находит косвенное подтверждение в позиции высшего суда. Впрочем, эта догадка не нова, еще в 1905 г. знаменитый немецкий социолог и экономист Макс Вебер впервые со всей очевидностью изложил эту концепцию в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма».

Позиция И. Г. Тютюнника по данному вопросу следующая: «поскольку корысть выражает собой стремление к незаконному обогащению, осуществляется за счет чужих интересов, постольку она всегда связана с нарушением имущественных отношений, права собственности других лиц. Однако для признания преступления совершенным из корысти не обязательно, чтобы имущество, за счет которого виновный стремится удовлетворить свои корыстные интересы, принадлежало потерпевшему. Важно, чтобы в основе совершения преступления лежало стремление получить какую-либо материальную выгоду или пользу» [\[3, С. 36–38\]](#).

Таким образом, «низменный» характер корысть приобретает в момент получения выгоды

или избавления от затрат субъектом предпринимательской деятельности за счет уменьшения имущественной сферы контрагента или нанесения вреда общим социально-экономическим отношениям.

В связи с этим, необходимость совершенствования законодательства в сфере защиты предпринимательской деятельности, как социально значимого направления человеческой деятельности, а также необходимость в избавлении закона от коллизий и несостыковок укладывается в обоснование актуальности темы настоящего исследования.

Целью настоящего исследования является рассмотрение теоретической стороны корысти как квалифицирующего признака в нормативно правовой основе преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также формирование нормативно обоснованных предложений к внесению изменений в действующие статьи уголовного закона в целях их совершенствования.

Методология данной статьи выразилась в диалектическом, логическом, историко-правовом, формально-юридическом, герменевтическом методах научного познания.

Тема настоящего исследования характеризуется недостаточным уровнем научной разработанности. Вклад в изучение различных аспектов корысти внесли такие правоведы, как А. В. Бриллиантов, А. В. Шеслер, Г. Р. Смолицкий, И. Г. Тютюнник, Д. А. Шестаков, А. А. Турышев, К. В. Вишневецкий.

Основная часть. Истоки возникновения корысти как признака субъективной стороны экономических преступлений в отечественном законодательстве.

Корыстная заинтересованность в различных ее интерпретациях, как квалифицирующий признак преступлений присутствует в обширной части статей Уголовного кодекса. Некоторые из них устанавливают ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности.

«Под корыстной заинтересованностью понимается стремление получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, погашения долга, оплаты услуг и т. п.)» (Иногамова-Хегай Л. В., Кибальник А.Г., Кленова Т.В., Коробеев А.И., Лопашенко Н.А. Актуальные проблемы уголовного права. Часть особенная; М.: Проспект (Москва). 2021. С. 180.).

Схожее определение дает А. В. Бриллиантов: «Корыстная заинтересованность – это извлечение имущественной выгоды или избавление от материальных затрат для себя и своих близких» (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Под ред. Бриллиантова А.В. М.: "Проспект", 2015. Том 1.).

Впервые в отечественном законодательстве термины «низменные и корыстные побуждения» появились в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Так, в п. «г» ст. 25 «низменные и корыстные побуждения» предстают в качествеотягчающего обстоятельства при определении общественной опасности совершенного деяния и применяется при дифференциации наказания судом. Также, вышеуказанный кодекс устанавливает ответственность за совершение противоправных деяний, руководствуясь корыстными побуждениями, которые косвенно относятся к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности.

Например, в ст. 190 определена ответственность за «фальсификацию, т. е. обманное

изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, а равно самый сбыт таких предметов».

В части преступлений связанных с нарушением патентных и авторских прав УК РСФСР 1922 года также устанавливает обязательный корыстный квалифицирующий признак. Так в ст. 198 «самовольное пользование в корыстных целях чужим изобретением или привилегией, зарегистрированными в установленном порядке» наказывается принудительными работами на срок до одного года или штрафом в тройном размере против извлеченной от самовольного пользования выгоды.

Статья 199 также подразумевает ответственность за нарушение патентных прав, а именно: «Самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием», но уже не указывает на корысть как на обязательный квалифицирующий фактор, хотя под «недобросовестной конкуренцией» усматривается извлечение сверхприбыли по общему правилу осуществляющейся в корыстных целях.

Корысть как отягчающее обстоятельство было перенесено и в Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. В нем оно также присутствует как фактор общественной опасности при определении меры «социальной защиты».

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года воспринял корысть как отягчающий фактор и как отдельный квалифицирующий признак многих преступлений. За исключением преступлений в сфере предпринимательской деятельности, где законодатель не упомянул ни корыстные, ни низменные побуждения в уголовно-правовых нормах, вероятно полагая, что корысть нераздельно связана с предпринимательской деятельностью и служит основным побуждающим фактором к систематическому, на свой риск, извлечению прибыли путем продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Следующим нормативно-правовым актом, закрепляющим уголовную ответственность в нашей стране, стал Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года. УК РФ стал правопреемником советских Уголовных кодексов, включив в себя понятия «корыстная заинтересованность», «корыстные побуждения» и «корыстная цель». Сущность этих понятий можно обобщенно раскрыть как «внутреннее побуждение лица, направленное на извлечение имущественной выгоды для себя или близких лиц посредством совершения преступления».

Уголовно-правовая характеристика корысти как признака преступлений в сфере предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации.

Корыстный мотив может выступать фактором, побуждающим к совершению большинства преступлений, но в отличие от действующих ранее Уголовных кодексов, сегодня «корыстный мотив» уже не находит себе место в исчерпывающем перечне отягчающих обстоятельств. Несмотря на это, он все же присутствует в Уголовном кодексе как в форме обязательного квалифицирующего признака одних преступлений, так и в форме признака квалифицированного или особо квалифицированного состава других преступлений.

Касательно преступлений в сфере предпринимательской деятельности корыстный мотив находит отражение в следующих уголовно-правовых нормах:

1. В форме обязательного квалифицирующего признака:

Статья 170 УК РФ;

Статья 181 УК РФ;

Статья 200.4 УК РФ;

2. В форме признака квалифицированного состава:

Пункт 3 статьи 183 УК РФ;

Пункт 3 статьи 299 УК РФ;

По смыслу статьи 170 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение государственного кадастра недвижимости и (или) ЕГРН (Единого государственного реестра недвижимости) и сделок с ним, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения. Лицом, совершившим данное противоправное деяние, не является субъект предпринимательской деятельности. Но так как данное преступление может быть направлено против законно осуществляемой предпринимательской деятельности, оно было помещено законодателем в соответствующую главу Уголовного кодекса.

В данном случае корыстная заинтересованность была выбрана законодателем как обязательный квалифицирующий признак преступного деяния вероятно исходя из того, что наиболее опасными незаконные действия, предусмотренные данной статьей, становятся именно тогда, когда у специального субъекта присутствует корыстная мотивация. В ином случае законодатель не усматривает необходимости в установлении уголовной ответственности за совершение подобных действий. Так, за нарушение законодательства в сфере государственного кадастрового учета, недвижимого имущества и кадастровой деятельности должностные лица несут только административную ответственность в соответствии со ст. 14.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Наличие специального субъекта состава рассматриваемого преступления говорит о применении данной статьи в совокупности с другими статьями уголовного кодекса, а именно «Злоупотребление должностными полномочиями» 285 УК РФ и «Служебный подлог» 292 УК РФ. А. А. Турышев пишет: «идея "бескорыстного взяточничества" противоречит самой сущности подкупа, где главным является завладение виновным материальными ценностями. Эти ситуации вовлеченности должностного лица следует рассматривать при наличии таких признаков, как злоупотребление или превышение должностными полномочиями» [\[4, С. 21\]](#). Исходя из этого, в рассматриваемом преступлении проглядывается четкая коррупционная направленность.

Также, по итогу анализа смежных статей уголовного закона, становится очевидной низкая общественная опасность в глазах законодателя регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом, совершенной из корыстной или иной личной заинтересованности. Так, например, наиболее строгая санкция, определенная статьей 170 УК РФ – обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Тогда как санкция основного состава статьи 170.1 «Фальсификация ЕГРЮЛ, реестра владельцев ЦБ или системы депозитарного учета» предусматривает

назначение наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет со штрафом.

Фундаментальные различия в тяжести преступлений, предусмотренных ст. 170 УК РФ и 170.1 УК РФ оставляют некоторые вопросы по части мотивации в данных действиях. Можно предположить, что снижение ответственности произошло в целях расширения круга лиц подлежащих уголовной ответственности по статье 170 УК РФ, но в таком случае следовало бы также исключить из диспозиции уголовно-правовой нормы корыстную/личную заинтересованность как обязательный признак состава преступления. Потому как из судебной практики следует, что за 2022-2023 года по ст. 170 УК РФ не было привлечено ни одного преступника. Из этого можно сделать вывод либо о высокой эффективности данной уголовно-правовой стратегии, либо об обратном, то есть вследствие отнесения исследуемого преступления к категории преступлений небольшой тяжести правоприменитель не стремится проводить оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию и привлечению к ответственности виновных лиц из-за малой общественной опасности совершенного ими деяния.

Статья 181 УК РФ устанавливает ответственность за несанкционированное изготовление, сбыт или использование пробирного клейма, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности. Положение данной статьи также включает в себя корыстную мотивацию как обязательный квалифицирующий признак, в то же время подразумевая уже общий субъект состава преступления. Стоит отметить, что в Постановлении Пленума Верховного Суда №23 от 18.11.2004 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» содержится разъяснение о том как следует квалифицировать совершенное по данной статье деяние, а именно: «Если незаконная предпринимательская деятельность сопряжена с несанкционированным изготовлением, сбытом или использованием, а равно подделкой государственного пробирного клейма, действия лица надлежит квалифицировать по совокупности преступлений: по статье 171 УК РФ (Незаконное предпринимательство), а также по статье 181 УК РФ как совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности».

Из этого вытекает, что в случае если преступление, охватываемое данной статьей совершено в процессе осуществления предпринимательской деятельности, то корыстный мотив не требует отдельного доказывания, в случае если же конкретный эпизод изготовления, сбыта, использования и подделки государственных пробирных клейм не имеет четкой связи с осуществлением предпринимательской деятельности, то наличие корыстного умысла потребует доказывать отдельно, чтобы квалифицировать совершенное деяние по ст. 181 УК РФ. Таким образом, Верховный Суд подтвердил гипотезу о том, что предпринимательская деятельность по своей природе неразрывно связана с корыстными началами ее участников.

По мнению К. В. Вишневецкого: «корысть становится основным мотивом поступков человека, поскольку избыточные материальные ценности обеспечивают экономическую независимость человека» [\[5, с. 90\]](#). Данное обстоятельство только подтверждает общее умозаключение о неискоренимости данного побуждающего фактора из человеческой сущности.

«Собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, обмана, шантажа, принуждения, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом» составляет содержание диспозиции статьи 183 УК РФ. Основные составы данной статьи не включают квалифицирующего признака в виде «корыстного мотива». Но корыстная мотивация определена как необязательный признак квалифицированного состава преступления, охватываемого рассматриваемой статьей,

наряду с совершением преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с причинением крупного ущерба. Под корыстной заинтересованностью в контексте данной статьи понимается также и собирание сведений на профессиональной основе, например коммерческий шпионаж.

Исходя из общественной опасности деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 183 УК РФ, законодатель классифицировал его как преступление средней тяжести. Но несмотря на это, ч. 1 ст. 108 УК РФ предусматривает ограничение в виде заключения под стражу в отношении субъекта преступления. Применяется оно только в случае, если подозреваемый не имеет места жительства или места пребывания в РФ, либо им была нарушена ранее избранная мера пресечения, либо если ранее он скрывался от органов предварительного следствия или суда. На положение данной уголовно-правовой нормы также указывает и Пленум Верховного Суда в п. 10 Постановления №48 от 15.11.2016 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», как на основание для разрешения в досудебном производстве ходатайств органов предварительного расследования и жалоб на действия (бездействие) и решения этих органов.

Касательно ст. 183 УК РФ стоит отметить, что диспозицию ч. 2 законодатель определил как «Незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе». Квалифицированный же состав с одним из признаков в форме «корыстной заинтересованности» законодатель выделил в ч. 3 указанной статьи. Данное обстоятельство, по мнению автора, вызывает сомнение в уместности применения такого квалифицирующего признака применительно к рассматриваемой статье. Так как, если разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны представляется из личной или иной заинтересованности, то уже использование тех же сведений без корыстной заинтересованности, а именно в личных интересах без цели обогатиться, представляется достаточно маловероятным. Схожую позицию выражает С. Д. Петроченков: «собираение соответствующих сведений из корыстной заинтересованности при отсутствии иных квалифицирующих обстоятельств требует квалификации не по ч. 3, а по ч. 1 ст. 183 УК РФ» [\[6, С. 78\]](#).

Так, например, из материалов судебной практики, содержащихся в приговоре № 1-160/2015 от 29 сентября 2015 г. по делу № 1-160/2015 Урайского городского суда ХМАО следует, что преступления изначально квалифицирующиеся законодателем и правоприменителем как преступления корыстной направленности сопутствуют в совокупности деянию предусмотренному ч. 2 ст. 183 УК РФ, которая не предусматривает в своем составе наличие корыстной заинтересованности. Так, в деле № 1-160/2015 Яппарова Р.И., являясь работником ОАО «Сбербанк России», в целях извлечения выгод и преимуществ для себя в виде получения премий за выполнение норматива (бизнес-плана), отсутствия оснований для лишения указанных премий и привлечения к дисциплинарной ответственности, поддержания своей хорошей репутации перед вышестоящим руководством, организовал в руководимом подразделении формальное выполнение норматива (бизнес-плана) по выдаче кредитных карт на ДД.ММ.ГГГГ года, путем оформления, в нарушение установленного порядка, кредитных карт банка на имена физических лиц, без личного участия и согласия последних, после чего умышленно передал, также без согласия клиентов, постороннему лицу оформленные кредитные карты и документы, содержащие сведения о клиентах, их банковских счетах,

условиях обслуживания, PIN-кодах, заведомо осознавая, что своими умышленными действиями может причинить существенный вред правам и законным интересам ОАО «Сбербанк России» и физических лиц. Не находя корыстного умысла в преступлении суд исходит из того, что по итогу разглашения сведений преступник не извлек прибыли, а значит рассматриваемое деяние должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 183 УК РФ.

В то же время, из Приговора № 1-371/2020 от 10 июля 2020 г. по делу №1-371/2020 Братского городского суда Иркутской области следует, что Банденок А.Е. совершила кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, с банковского счета, кроме того, совершила кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину, с банковского счета, и кроме того совершила незаконное использование сведений, составляющих банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена и стала известна по работе, из корыстной заинтересованности. В данном случае суд квалифицировал незаконное использование сведений, составляющих банковскую тайну, по ч. 3 ст. 183 УК РФ. Хотя так же, как и в ранее рассмотренном преступлении, незаконное использование сведений составляющих банковскую тайну было осуществлено с целью извлечь выгоду по совокупно совершаемому преступному деянию.

Таким образом, рассмотрев судебную практику, мы приходим к выводу, что для правоприменителя затруднительно квалифицировать преступления, совершенные в идеальной совокупности. Данная проблема уходит корнями в общую нелогичность законодателя в его решении выделить «корыстную заинтересованность» в квалифицированный состав рассматриваемой статьи (ч.3 ст. 183 УК РФ), тогда как совершение деяния предусмотренного основным составом (ч.2 ст. 183 УК РФ) не видится без наличия у преступника корыстного умысла.

Статья 200.4 УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», во многом, по своему составу, похожа на ранее рассмотренную статью 170 УК РФ. В ней также предусматривается специальный субъект, а именно то, что преступление может быть совершено 5 категориями лиц: работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Важно отметить, что все перечисленные лица не относятся к должностным лицам или к лицам, выполняющим управленческие функции, так как в таком случае статья вступает в коллизию со статьями 201 УК РФ и 285 УК РФ. Также, рассматриваемой статьей предусматривается «корыстная заинтересованность» как обязательный признак основного состава.

Смежный состав преступления, предусмотренный статьей 200.5 УК РФ, предусматривающий ответственность за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок лишен такого признака как «корыстная заинтересованность», вероятно предполагая, что описываемое деяние совершается только из корыстной заинтересованности. Тогда как злоупотребления в сфере закупок, по мнению законодателя, могут совершаться и без желания извлечь материальную выгоду. Данный пример, по мнению автора, также демонстрирует обоснованность общей концепции настоящей статьи о спорности «корыстной заинтересованности» в рамках статей уголовного кодекса, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Основным отличием деяния составляющего фабулу статьи 299 УК РФ от остальных преступлений в сфере предпринимательской деятельности, предполагающих «корыстный мотив» как квалифицирующий признак, является то, что она в ч. 3 устанавливает ответственность за совершение преступления против осуществления законной предпринимательской деятельности через оказание давления на предпринимателя. Из диспозиции рассматриваемой статьи следует, что санкция устанавливается за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица. Квалифицированным составом преступления, предусмотренного данной статьей, признается «Незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности, либо причинение крупного ущерба». Таким образом, по ч. 3 ст. 299 УК РФ квалифицируется заведомо противоправное действие органа предварительного следствия, которое может быть направлено против предпринимательской деятельности и/или быть совершенным из корыстной заинтересованности. Состав рассматриваемого преступления – материальный, то есть должны наступить общественно опасные последствия, а именно прекращение предпринимательской деятельности вследствие оказанного давления, либо причинение ущерба на сумму более 1,5 миллиона рублей.

В контексте дискутируемого вопроса интересна позиция Г. Р. Смолицкого: «когда закон говорит о личной заинтересованности, нужно иметь в виду не только имущественную или иную личную выгоду, либо узко личные интересы, но и такие случаи, когда должностное лицо вносит в работу государственного аппарата чуждые элементы, противопоставляя интересы своего учреждения или предприятия общегосударственным интересам в целом» [\[7, С.69\]](#).

Законодатель отнес рассматриваемое преступление к категории тяжких, так как ответственность, установленная данной статьей, подразумевает лишение свободы на срок от пяти до десяти лет. Исходя из этого, повышение планки нанесенного ущерба, необходимого для квалификации деяния по данной статье, до 1,5 миллиона рублей выглядит вполне соразмерным. При общей логичности решений законодателя более верным видится снижение ответственности по рассматриваемой статье вместе со снижением размера ущерба, необходимого для образования состава преступления и привлечения виновного к ответственности. Так, например, средний доход индивидуального предпринимателя в России составляет 75-100 тысяч рублей в месяц, в соответствии с социологическим исследованием «Билайн бизнес» [\[8\]](#).

Исходя из этого, есть необходимость охватить больший спектр посягательств, за счет массы наиболее незащищенных индивидуальных предпринимателей. Ведь в случае неправомерного возбуждения уголовного дела в отношении индивидуального предпринимателя, которое не повлекло прекращения им предпринимательской деятельности или не причинило ущерб на сумму более 1,5 миллиона рублей, не будет образовываться состав преступления по ч.3 ст. 299 УК РФ. Данная точка зрения подтверждается статистикой судебной практики по ч.3 ст. 299 УК РФ. Так за 2023 год по указанному составу не было привлечено к ответственности ни одного лица. Та же ситуация наблюдается и в 2022, 2021, 2020 годах.

В части применения корыстной заинтересованности как необязательного признака субъективной стороны данное решение законодателя выглядит наименее спорно относительно других примеров, приведенных в нашем исследовании. Рассматривая диспозицию указанной статьи уголовного кодекса, возникает обоснованное сомнение в

верности определения законодателем цели и мотива преступления. По общему правилу и логике вещей, мотив и цель преступления должны быть связаны между собой. Целью является представление субъекта о преступном результате, которого он стремится достичь. Мотив же – это побуждение субъекта, вытекающее из необходимости удовлетворения его потребностей. Таким образом, целью лица, совершающего деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 299 УК РФ, является прекращение предпринимателем его профессиональной деятельности, мотивом же будет выступать корыстная или иная личная заинтересованность. Итогом изложенного предположения представляется решение законодателя противопоставить мотив преступника его цели и предложение правоприменителю выбрать то, чем руководствовался субъект при совершении преступления. Описанное представление законодателя противоречит теории уголовного права, и что, по мнению автора, ведет к необходимости корректирования диспозиции данной уголовно-правовой нормы.

«Обязательные признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 299 УК РФ (специальная цель воспрепятствовать предпринимательской деятельности потерпевшего либо мотив корыстной или иной личной заинтересованности), доказать крайне проблематично. Специалисты не без оснований указывают, что «конструкция <... > состава преступления, требующая обязательного установления цели воспрепятствования предпринимательской деятельности либо наличия корыстной или иной личной заинтересованности, превращает данный состав в так называемую „мертвую“ норму» [\[9, с. 30\]](#) – такова позиция А. А. Симоненко касемо применения указанной нормы.

В глазах законодателя «Корыстная заинтересованность» является признаком, образующим повышенную общественную опасность противоправного деяния, но в то же время законодателем он не был отнесен к исчерпывающему списку отягчающих обстоятельств, вероятно, полагая, что часть преступлений совершается с корыстным умыслом по умолчанию, а другая часть деяний приобретает достаточную общественную опасность, для назначения уголовного наказания, только при наличии такого признака.

На первый взгляд, решением поднятой проблемы представляется открытие перечня отягчающих обстоятельств и отнесение права применения такого отягчающего обстоятельства как «корыстные побуждения» на усмотрение судов. Но данный вариант решения критикуется М. Г. Жилкиным: «Думается, что расширение судейского усмотрения как в целом, так и тем более применительно к рассмотрению дел о предпринимательских преступлениях не только нецелесообразно, но и недопустимо. Отечественная уголовно-правовая доктрина выработала научно обоснованные подходы к описанию квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в тексте уголовного закона. Действительно, нынешнее состояние главы 22 УК РФ в части конструирования квалифицированных и особо квалифицированных составов преступления может быть охарактеризовано как непоследовательное и бессистемное. Но допущение открытых перечней квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в российском законодательстве привело бы лишь к его дальнейшей хаотизации. Перед законодателем должна быть поставлена задача дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности посредством закрепления в соответствующих статьях уголовного закона единого шаблона признаков, отражающих существенные перепады в степени общественной опасности деяния» [\[10, с. 83\]](#).

Отсутствие системного подхода к формированию диспозиций статей уголовного кодекса, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере

предпринимательской деятельности, приводит к проблемам квалификации части преступных деяний. Так, А. В. Шеслер отмечает, что: «действующее уголовное законодательство терминологически употребляет корысть в двух значениях, а именно: как мотив преступления (побуждениях) и как цель преступления (например, в примечании 1 к ст. 158 УК РФ речь идет о корыстной цели). Однако определение этих терминов в УК РФ не дано, поэтому как в науке уголовного права, так и в практике применения уголовного закона его понимание не является однозначным. Не дано однозначного понимания данных терминов и в разъяснениях Верховного Суда РФ, цель которых – стабилизировать судебную практику, оказывать помощь судам в единообразном толковании и применении норм права. В результате отсутствия единого подхода в определении понятий «корыстный мотив» и «корыстная цель» не способствует качеству вынесения судебных решений по преступлениям корыстной направленности и требует выработки единого терминологического подхода» [\[11, С. 34\]](#).

Заключение

Уголовное законодательство рассматривает «Корыстную заинтересованность» как признак субъективной стороны, который являясь обязательным признаком основного или квалифицированного состава преступления, образует состав преступления повышенной общественной опасности. В случаях, когда «корыстная заинтересованность» не является обязательным признаком состава преступления, законодатель ставит ее на один уровень с совершением преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Исключение корыстной заинтересованности из перечняотягчающих обстоятельств представляется адекватным ответом меняющейся общественно-экономической формации, но при этом присутствие такого признака в уголовно-правовых нормах, устанавливающих ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности, противоречит самой природе предпринимательской деятельности.

Неясным также остается вопрос определения величины санкции, назначаемой за совершение рассматриваемого перечня преступлений. Так, наличие корыстного умысла при совершении одних преступлений в сфере предпринимательской деятельности становится основанием формирования квалифицированного состава. А в других преступлениях наличие корыстного умысла наоборот влечет резкое снижение уголовной ответственности относительно смежных составов.

Изложенное подтверждает заключение автора об отсутствии системного подхода при введении законодателем уголовно-правовых норм. Данное обстоятельство становится как причиной возникновения проблем связанных с верной квалификацией преступлений в сфере предпринимательской деятельности, так и вовсе причиной существования статей, применение которых на практике затруднительно. Собранный в статье материал приводит к логичному выводу о том, что назрела необходимость поставить под сомнение оправданность наличия такого рудиментарного квалифицирующего признака как «корыстная заинтересованность» в рамках соответствующих статей ныне действующего в России Уголовного кодекса.

Библиография

1. Горшенков Г.Н., Кабанов П.А., Касторский Г.Л., Колесников В.В. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. Под ред. Шестакова Д. А. СПб.: Юрид. центр "Пресс", 2003. С. 227.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах; М.: РИПОЛ

- классик, 2006. Том 2. С. 784.
3. Тютюнник И. Г. Соотношение понятий "корыстного побуждения" и "корыстного мотива" в Уголовном кодексе Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2015. №4. С. 36-38.
 4. Турышев А. А. Корыстный мотив преступления // Научный Вестник Омской Академии МВД России. 2020. № 4. С. 21.
 5. Вишневецкий К. В. Виктимологическое моделирование корыстной преступности // Юридические науки. 2019. № 2. С. 90.
 6. Петроченков С. Д. Корыстная заинтересованность как квалифицирующий признак преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ // Уголовное право. 2017. № 1. С. 78.
 7. Смолицкий Г. Р. Должностные преступления; М.: Юриздат. 1947. 69 с.
 8. Доход предпринимателя в России 75–100 тысяч рублей в месяц // beelinenow.ru: билайн бизнес. 2023. URL: <https://beelinenow.ru/articles/bilayn-biznes-dokhod-predprinimatelya-v-rossii-75-100-tysyach-rublej-v-mesyats> (дата обращения 01.02.2023).
 9. Симоненко А. А. Уголовно-правовая норма об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4. С. 30.
 10. Жилкин М. Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности; М.: Юриспруденция, 2019. С. 83.
 11. Шеслер А. В. Соотношение цели и мотива совершения преступления // Вестник югорского государственного университета. 2023. № 4. С. 34.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, историко-правовой, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Корысть ... предстаёт в Уголовном законе как такой специфический признак, не имеющий четкого определения законодателем, анализ уместности применения которого представляется актуальным вопросом при формировании законодательства, отвечающего всем современным запросам. По общему правилу, переходящему сквозь века, корысть представляет из себя некую форму низменных побуждений, завладевающих человеком на жизненном пути. Правоприменитель также не дает четкого определения корысти, как явления побуждающего человека на совершение противоправного деяния. ... Необходимость совершенствования законодательства в сфере защиты предпринимательской деятельности, как социально значимого направления человеческой деятельности, а

также необходимость в избавлении закона от коллизий и несостыковок укладывается в обоснование актуальности темы настоящего исследования.

Целью настоящего исследования становится рассмотрение теоретической стороны корысти как квалифицирующего признака в нормативно правовой основе преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также формирование нормативно обоснованных предложений к внесению изменений в статьи уголовного закона". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Уголовное законодательство рассматривает «Корыстную заинтересованность» как признак субъективной стороны, который являясь обязательным признаком основного или квалифицированного состава преступления, образует состав повышенной общественной опасности. В случаях, когда «корыстная заинтересованность» не является обязательным признаком состава преступления, законодатель ставит ее на один уровень с совершением преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой"; "В глазах законодателя «Корыстная заинтересованность» является признаком, образующим повышенную общественную опасность противоправного деяния, но в то же время законодателем он не был отнесен к исчерпывающему списку отягчающих обстоятельств, вероятно полагая, что часть преступлений совершается с корыстным умыслом по умолчанию, а другая часть деяний приобретает достаточную общественную опасность, для назначения уголовного наказания, только при наличии такого признака"; "Неясным также остается также определение величины санкции, назначаемой за совершение рассматриваемых преступлений. Так, наличие корыстного умысла при совершении одних преступлений в сфере предпринимательской деятельности становится основанием формирования квалифицированного состава. А в других преступлениях наличие корыстного умысла наоборот влечет резкое снижение уголовной ответственности относительно смежных составов" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый на основании анализа нормативного материала, теоретических источников и эмпирической базы рассматривает корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности, попутно выявляя соответствующие проблемы юридической техники и предлагая пути их решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, автор озаглавил основную часть работы следующим образом: "Корысть как признак субъективной стороны". О признаке субъективной стороны чего идет речь?

Ученый пишет: "В данном случае корыстная заинтересованность была выбрана законодателем как обязательный квалифицирующий фактор преступного деяния вероятно исходя из того, что наиболее опасными незаконные действия, предусмотренные данной статьей, становятся именно тогда, когда у специального субъекта присутствует корыстная мотивация". В уголовно-правовой науке устоялось понятие "квалифицирующий признак". "Квалифицирующий фактор" - это так называемое "околоюридическое" понятие. Подобных замен юридических терминов следует избегать.

Автор отмечает: "Турышев А. А. пишет: «идея "бескорыстного взяточничества" противоречит самой сущности подкупа, где главным является завладение виновным материальными ценностями. Эти ситуации должностного лица следует рассматривать при наличии таких признаков, как злоупотребление или превышение должностными полномочиями» [6, С. 21]". Инициалы ученого ставятся перед его фамилией.

Ученый пишет: "Из этого можно сделать вывод либо о высокой эффективности данной уголовно-правовой стратегии, либо об обратном, то есть вследствие установления низкой уголовной ответственности правоприменитель не стремится проводить оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию и привлечению к ответственности виновных лиц из-за небольшой общественной опасности совершенного ими деяния". Не существует понятия "низкая уголовная ответственность". Предложение необходимо перефразировать (очевидно, что речь идет о слишком мягком уголовном наказании, что, в свою очередь, является следствием отнесения исследуемого преступления к категории преступлений небольшой тяжести).

Статья нуждается в дополнительном вычитывании с привлечением специалиста-филолога. В ней встречаются множественные опечатки, орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки.

Так, автор пишет: "Полученные излишки пускались на совершенствование процессов добычи, в реализацию путем обмена или продажи и само собой на постройку монументальных сооружений" - пропущены запятые: "Полученные излишки пускались на совершенствование процессов добычи, в реализацию путем обмена или продажи и, само собой, на постройку монументальных сооружений".

Ученый отмечает: "По общему правилу, переходящему сквозь века, корысть представляет из себя некую форму низменных побуждений, завладевающих человеком на жизненном пути" - "проходящему".

Автор указывает: "Правоприменитель также не дает четкого определения корысти, как явления побуждающего человека на совершение противоправного деяния"- "Правоприменитель также не дает четкого определения понятия "корысть" как явления, побуждающего человека к совершению противоправного деяния".

Ученый пишет: "Впервые, в отечественном законодательстве, термины «низменные и корыстные побуждения» появились в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года" - "Впервые в отечественном законодательстве термин «низменные и корыстные побуждения» появился в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года" (запятые не нужны).

Приведенный перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!

Библиография исследования представлена 13 источниками (монографиями, научными статьями, учебником, комментарием, словарем). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (И. Г. Тютюнник и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Уголовное законодательство рассматривает «Корыстную заинтересованность» как признак субъективной стороны, который являясь обязательным признаком основного или квалифицированного состава преступления, образует состав повышенной общественной опасности. В случаях, когда «корыстная заинтересованность» не является обязательным признаком состава преступления, законодатель ставит ее на один уровень с совершением преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. ... В глазах законодателя «Корыстная заинтересованность» является признаком, образующим повышенную общественную опасность

противоправного деяния, но в то же время законодателем он не был отнесен к исчерпывающему спискуотягчающих обстоятельств, вероятно полагая, что часть преступлений совершается с корыстным умыслом по умолчанию, а другая часть деяний приобретает достаточную общественную опасность, для назначения уголовного наказания, только при наличии такого признака. На первый взгляд, решением поднятого вопроса представляется открытие перечня отягчающих обстоятельств и отнесение права применения такого отягчающего обстоятельства как «корыстные побуждения» на усмотрение судов. ... Отсутствие системного подхода к формированию диспозиции статей уголовного кодекса устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности приводит к проблемам квалификации части преступных деяний" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и уголовного процесса при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), уточнении отдельных положений работы, устранений нарушений в ее оформлении.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности» для опубликования в журнале «Юридические исследования». Наименование статьи соответствует паспорту научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки, п. 3 «Теория уголовного права», что соответствует тематике журнала.

При этом содержание статьи соответствует политике журнала об опубликовании статей, посвященных всестороннему исследованию актуальных проблем науки уголовного права.

Предметом исследования статьи автор обозначил через необходимость рассмотрения теоретической стороны корысти как квалифицирующего признака в нормативно-правовой основе преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также формирование нормативно обоснованных предложений к внесению изменений в действующее уголовное законодательство в целях его совершенствования.

Методология, использованная при написании статьи, основана на общенаучных методах познания предмета исследования. Использованы такие общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия как общие логические правила осуществления мыслительной деятельности исследователя при изучении предмета статьи, анализе законодательства, практики правоприменения. Также применены частно-научные методы исследования формально-логический, сравнительно-правовой, толкование норм уголовного законодательства.

Актуальность темы исследования заключается в выявленном автором несовершенстве законодательного подхода к конструированию квалифицированного состава на основании признака «корысти». Данное обстоятельство, по верному замечанию автора, становится причиной возникновения проблем связанных с квалификацией преступлений в сфере предпринимательской деятельности для правоприменителя.

Научная новизна. В работе сделаны выводы и предложения, практическая и научная ценность которых не ставится под сомнение и привлечет внимание обучающихся

юридических направлений подготовки в ВУЗах, исследователей и практикующих юристов. Автором внесено важное теоретическое предложение к осмыслению научным сообществом рудиментарности признака «корысти» относительно составов преступлений в области предпринимательской деятельности.

Стиль написания статьи: научный, автор последовательно и аргументировано изложил свои мысли, подкрепил их анализом действующего законодательства, теоретических изысканий по аналогичным тематикам исследований и практическими примерами.

Структура статьи присутствует и обозначена автором двумя разделами. При этом публикационной политикой рекомендовано авторам выделять в тексте статьи в качестве обязательных структурных элементов: «Введение», (обоснование темы, обзор литературы и источников, описание методов, цели и задач исследования), «Основная часть» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Заключение» (подводятся итоги собственного исследования, кратко сообщаются результаты и оценивается их значимость; не рекомендуется использование цитирования и ссылок).

Содержание статьи достаточно полно освещает поднятые проблемы, решает поставленные задачи и соответствует заявленной тематике.

Библиография представлена 13 источниками, в числе которых научные статьи и монографии авторов по искомой тематике составляют около 54%. В соответствии с научным уровнем журнала (К-2) качество научной статьи определяется в том числе качеством и количеством библиографических источников. Этическими принципами издания рекомендуется использование при написании статьи 10–15 монографий и научных статей близких по проблематике и хронологии. Не рекомендуется в библиографический перечень включать комментарии законодательства, учебные пособия и учебники, публицистику. Указанные издания следует размещать в постраничных сносках. При оформлении библиографического перечня следует придерживаться требований, изложенных в ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Вывод рецензента: статья «Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности» может быть рекомендована для опубликования в журнале «Юридические исследования» после ее доработки в части структурирования и библиографического перечня.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья на тему: «Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности.» посвящена актуальной проблеме недостаточности правового регулирования отдельных видов отношений в раках осуществления предпринимательской деятельности.

Анализ статьи показал, что, в целом, она соответствует основным требованиям, предъявляемым к такому виду научных работ. При ее подготовке автором/ами использовано относительно небольшое количество различных источников. Однако, на себя обращает внимание тот факт, что в библиографическом списке представлены словари, монографические исследования, научные статьи. Всего – 11 источников.

Данное обстоятельство, тем не менее, по нашему мнению не отразилось существенным образом на глубине содержательной части исследования. Но, к сожалению, в рецензируемой статье не нашлось места для более широкой научной дискуссии, которая могла бы значительно, по нашему мнению, увеличить научную ценность рецензируемой

статьи.

Статья структурирована. Она содержит введение, основную часть (Истоки возникновения корысти как признака субъективной стороны экономических преступлений в отечественном законодательстве; Уголовно-правовая характеристика корысти как признака преступлений в сфере предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации) и заключение.

Представлена цель и задачи исследования. Названы ученые, чьи интересы относятся к исследуемой автором/ами проблеме. Обоснована актуальность исследования, обоснованная необходимостью совершенствования законодательства в сфере защиты предпринимательской деятельности, как социально значимого направления человеческой деятельности, а также необходимостью в избавлении закона от коллизий и несостыковок. Автором/ами подчеркивается, что корысть предстаёт в Уголовном законе как такой специфический признак, не имеющий четкого определения законодателем, что и порождает немало трудностей в процессе доказывания и правоприменения.

Методология исследования представлена в достаточно лаконичном виде и она выразилась в диалектическом, логическом, историко-правовом, формально-юридическом, герменевтическом методах научного познания.

Статья написана хорошим и понятным языком, логична. Содержательно статья способна вызвать интерес у специалистов и широкого круга читателя.

Положительно следует отметить некоторую уникальность рецензируемой статьи по выбору проблемы исследования. Автором/ами проведен детальный анализ норм современного действующего российского уголовного законодательства, судебной практики. Сделаны необходимые выводы и рекомендации, способствующие развитию теории юридической науки. В частности, подчеркивается отсутствие системного подхода к формированию диспозиций статей Уголовного кодекса, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности и др. Предложено поставить под сомнение оправданность наличия такого рудиментарного квалифицирующего признака как «корыстная заинтересованность» в рамках соответствующих статей ныне действующего в России Уголовного кодекса и т.д. Таким образом, исходя из вышеизложенного, считаем, что рецензируемая статья на тему: «Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности.» может быть опубликована в искомом научном журнале.